

Редко вокруг какого современного российского автора можно встретить фронт сформированного за короткое время единодушного признания: это серьезный автор. Серьезных авторов нет, потому что в глазах критики нет серьезной большой литературы, но зато вот, погодите, есть Дмитрий Данилов. Литература умерла, мы все плаваем в каком-то фантастическом лягушатнике литературного инфантилизма и непрофессионализма; а вот, смотрите, Дмитрий Данилов написал новую пьесу, обсудим?

В конце прошлого года Дмитрий Данилов вновь вышел на сцену, правда, на этот раз не с пьесой, а как бы с романом (укороченная версия текста «Саша, привет» была сначала опубликована в журнале «Новый мир», но вскоре уже вышла в полноценном книжном варианте в

«РЕШ»). Слово «как бы» употребляю неслучайно, потому что вообще непонятно, что это на самом деле, каким образом формализовать «Саша, привет»? Если судить по журнальной публикации, то вроде бы повесть. Но не повесть, потому что сам Данилов напускает дыма: с первых же строк намекает, что метит в киносценарий:

«Мы видим, как человек идет по улице. <...> Мы видим, как идет человек. Все наше повествование будет построено на том, что мы будем наблюдать за этим человеком. Как он идет, действует, что он чувствует, в той степени, в которой вообще можно наблюдать, что и как человек чувствует (можно, можно). Как человек сидит. Да, мы будем много наблюдать за тем, как человек сидит. Это будет что-то вроде кино. На человека наставлена камера, и мы за ним наблюдаем».

Не очень ясно и с тем, к какому жанру отнести «Саша, привет». Игорь Кириенков на сайте «Полки» пишет, что это антиутопия, вечно сумрачный критик Сергей Морозов пренебрежительно понижает до статуса книжки-анекдота. И только Андрей Мягков, рецензент «Афиши», кажется, о чем-то догадывается, говоря об автобиографичности текста Данилова: «А его <автора> личный опыт — порой сознательно проживаемый на манер перформанса — почти всегда являлся этакой формочкой для льда, придававшей тексту, пардон, форму».

Как и любой серьезный автор, Данилов действительно подсознательно всегда выбирает ту форму для очередного своего текста, которую подсказывает пришедшая в голову идея (об этом он говорит, к примеру, в интервью «Российской газете»). Предположу, что в случае «Саша, привет» идея подсказала Дмитрию Алексеевичу форму не столько даже чего-то автобиографического, переосмысленного в худлит, а форму пародии на современный российский автофикшн вообще.

Именно пародийностью можно было бы объяснить условную кинематографичность подачи сюжета: в «Саша, привет» читатель наблюдает за жизнью приговоренного к расстрелу преподавателя-филолога за сексуальную связь с несовершеннолетней девушкой со стороны. Но «со стороны» это выглядит так, что нарисованная жизнь главного героя вполне может смотреться жизнью самого Данилова.

Да, конечно, сам Данилов не преподает в университете современного искусства и культуры историю литературы. Но он вполне бы мог — литературоведческие интересы, знания и начитанность, думаю, вполне позволили бы делать это.

Данилов не приговорен к смертной казни за преступную сексуальную связь, но некий условный профессор университета вполне мог бы. Приговорен, разумеется, не к высшей мере наказания (ее в нынешней РФ нет, это очевидно), а к убийственному расстрелу репутации со сто-

роны лево-либеральной общественности, блюдущей моральную чистоту всех подворачивающихся под руку жертв.

Неслучайно ведь в «Саша, привет» использовано ироничное фантдопущение: возраст совершеннолетия в прекрасной России будущего повышен с восемнадцати до двадцати лет. Автор, таким образом, как бы подмигивает: в придуманной им стране этичность взаимоотношений между преподавателем института и студенткой в глазах общественности лежит не в плоскости обсуждения недопустимости таких отношений вообще, а в плоскости обсуждения формальной возрастной стороны. Действительно ведь: регулировать числовой движок совершеннолетия теоретически можно в любую сторону, но в этом ли суть? Смертная казнь (еще одно фантдопущение) в качестве уголовного наказания тут только гиперболизует саму абсурдность ситуации обсуждения и осуждения по чисто формальному признаку.

Сюжет книги Дмитрия Данилова срезает определенный пласт реальной жизни столичной интеллигенции, выворачивая ее чуть наизнанку за счет добавления легкого фантастического абсурда. Авторская же насмешка проявляет себя и в форме необычной подачи текста — это своего рода автофикшн в разрезе. Такой текст, в котором чувство сопричастности к жизни лирического героя достигается пресловутой кинематографичностью, подселением читателя в его ежедневную жизнь.

Однако куда более зловещая насмешка Данилова над всей автофикшн-прозой заключается, пожалуй, в обыгрывании темы, которая неизменно сопровождает всю современную док-литературу — над темой индивидуальной травмы. Люди, следящие за критическим дискурсом, знают, что большинство современных автофикшн-писателей предпочитают травмироваться по частным поводам, сосредоточенным в фокусе достаточно широкой бытовой проблематики. Модные западные тренды активно пробивают ростки и на российской почве, и вот уже авторы, как правило, поколения зумеров заламывают руки, расписывая невероятные страдания из-за неприятия традиционным обществом их гендера, сексуальных влечений, культурных и поведенческих особенностей и т. д.

Все это литературные элементы, составляющие основу так называемой «новой этики». К ней Дмитрий Алексеевич относится достаточно прохладно, о чем прямо заявляет в некоторых интервью. И проясняет свою позицию не с точки зрения замшелого консерватора, а с точки зрения взрослого, умного, умудренного опытом человеком — любые перегибы канселлинга вредны (в ту, и в другую сторону), они так или иначе ведут к тоталитаризму.

В «Саша, привет» индивидуальная психотравма оборачивается общечеловеческим (а потому и настоящим, только и имеющим значение в

сравнении с прочей мелочью травмочек) страхом перед смертью. Вполне реальным в выстроенном Даниловым сюжете — приговоренного к высшей мере наказания может расстрелять в любой день автоматический пулемет, подвешенный под потолком коридора. Под прицелом этого пулемета — лирический герой киноповести Данилова называет его Сашей — «преступник» принудительно, в сопровождении охраны, отправляется на ежедневную прогулку.

Сюжетная хитрость Данилова-автора заключается в том, что, на самом деле, Саша-пулемет может и не выстрелить. Не выстрелить вообще никогда, и человек, обитающий в довольно комфортабельной тюрьме гостиничного типа (в номере так называемого Комбината) вполне может дожить до старости и умереть в силу естественных, физиологических причин.

В прозаической вселенной Данилова это, конечно, метафора человеческой жизни вообще: все люди живут под дамокловым мечом невидимого танатоподобного «Саши», просто об этом не думают (а если точнее, то старательно отгоняют мысль о главном, живут так, чтобы не задумываться — смерть неизбежна). Собственно, в этой нависающей смертоносной тени туше пулемета и заключается насмешка писателя над теми, кто любит копаться с незначительными, надо полагать, с его точки зрения травмочками. Все травмочки меркнут в тени одной большой, громадной, заслоняющей все иное — травмы страха перед смертью.

В «Саша, привет» этот человеческий страх показан очень выпукло, наглядно. Не столько даже через болезненную рефлексию главного героя, которого охранники поначалу вынуждены насильно проводить под пулеметным стволом. Данилов действует куда тоньше и психологически изощреннее: показывает страх смерти в реакциях родных людей приговоренного к расстрелу — от полных безразличия матери и жены до болезненного, судорожного любопытства студентов, общающихся с преподавателем по «зуму». Для всех них он уже умер, хотя чисто физически еще жив, — ирония же в том, что эти люди не понимают, что, на самом деле, их положение ничем не отличается от положения приговоренного к расстрелу. Мы все приговорены, и мы тоже не знаем в какой из дней приговор будет приведен в исполнение.

В этом контексте любопытен и по-настоящему, кажется, символичен даже финал «Саша, привет»:

«В это время Саша начинает стрелять по пустой Красной зоне, кроша кафельный пол в пыль, он стреляет по пустому месту, и кафельная плитка пола разлетается во все стороны».

Пустое место в точке обстрела красноречиво: человек и есть пустое место, раз ничего не может поделаться ни с зависшим где-то над головой

пулеметом смерти, ни с датой приведения приговора в исполнение, а значит — вообще ни с чем. Не подвластна тебе жизнь, человеке, хоть и пытаешься жить с иллюзией ее контроля.

Надо полагать, что такое поданное под соусом изящной, чуть абсурдистской прозаической метафоры напоминание о самой страшной таящейся внутри травме, и делает Данилова практически живым классиком литературы. А именно так его аттестуют некоторые критики и литераторы — Данилов плюс обстоятельство¹ по-своему шедеврален хотя бы просто потому, что он не боится заглянуть в глаза этому обстоятельству: прямо, честно, с доброй улыбкой на лице и без иллюзий-петляний по лабиринтам суетного.

¹ В «Саша, привет» в одной из сцен положение главного героя обозначается словосочетанием «Человек минус обстоятельство».